

К.Ю. Зубков

«... ВРЕМЯ КУКИШЕЙ В КАРМАНЕ МИНОВАЛОСЬ...»: РЕДАКЦИЯ «СОВРЕМЕННОКА», ЦЕНзуРА И РОССИЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ СООБЩЕСТВО В 1856 г. СТАТЬЯ 1

*Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д.20*

Статья посвящена анализу сообщества российских профессиональных литераторов второй половины 1850-х годов и его реакции на деятельность цензурного ведомства. Изучение этих вопросов не только привлекает внимание к ранее не интересовавшим исследователей источникам, но и позволяет пересмотреть традиционные представления об отношениях цензуры и литературы в России середины XIX в., демонстрируя огромное влияние государственного аппарата на формирование литературного сообщества и его системы категорий и оценок. Если собственно цензурные документы, относящиеся к этому делу, неоднократно публиковались и интерпретировались учеными, то мнение на этот счет самих литераторов до сих пор не становилось объектом пристального внимания. Руководствуясь методологией, часто используемой в современных исследованиях по истории цензуры (прежде всего Р. Дарнтон), автор демонстрирует, что писатели этого периода воспринимали цензоров вовсе не как оппонентов, а как потенциальных союзников и единомышленников. Ответственность за нарушение негласного договора, существовавшего между писателями и цензорами, возлагалась именно на редакцию «Современника», а вовсе не на цензуру. Такое восприятие цензуры в первой части статьи объясняется специфическими отношениями между либеральной бюрократией и литературным сообществом в начале царствования Александра II, когда обе стороны надеялись на продуктивное взаимодействие. На фоне завершавшейся эпохи «мрачного семилетия» писатели с энтузиазмом реагировали на жесты либерального крыла правительства, демонстрировавшего готовность идти на контакт с обществом, в том числе приглашая литераторов участвовать в этнографических экспедициях или в отборе пьес для императорских театров.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов; Н.Г. Чернышевский; цензура; история литературы; литературные журналы; журнал «Современник».

В стихотворении «Кому холодно, кому жарко!», вошедшем в цикл «О погоде» (опубл. 1865), Некрасов писал:

Зубков Кирилл Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинского дома) (e-mail: k_zubkov@inbox.ru).

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялись писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!» [Некрасов, 1981: 194].

Образ цензора в этих строках, с одной стороны, соответствует традиционному представлению о не способном понимать поэтических произведений гасителе свободы, а с другой, демонстрирует сложные отношения между литературой и цензурным ведомством. Этот персонаж действительно механически ограничивает творческую свободу поэта, вероятно, руководствуясь страхом, что в стихи на невинную тему может прокрасться что-то неблагонадежное. В то же время цензор вторгается в обсуждение литературных вопросов: его волнует выдержанность темы и проч. Разговор поэта с цензором оказывается неизбежно оказывается беседой не о политике, а о поэзии. Своеобразное место цензора на границе литературного и чиновнического миров у Некрасова очень ясно выражается за счет стилистически абсурдного сочетания «поэтических» и бюрократических слов в его речи («*Воспевайте же данный предмет*»). Как кажется, эта двойственность — выражение не просто иронии Некрасова, а вполне реального опыта его столкновений с цензурой. Мы попытаемся показать своеобразие связей цензоров и литераторов на материале одного из самых известных цензурных эпизодов в творческой биографии Некрасова.

Статья будет посвящена скандалу 1856 г., когда, следом за выходом первого издания «Стихотворений» поэта, несколько его произведений («Поэт и гражданин», «Забывтая деревня» и «Отрывок из путевых записок графа Гаранского») было перепечатано на страницах «Современника». В поле нашего внимания будет не только и не столько цензурное делопроизводство, уже достаточно изученное, сколько позиции представителей литературного сообщества. На основании многочисленных работ [Лемке, 1904: 312—314; Евгеньев-Максимов, 1921; 1936: 99—108; Бельчиков, 1922; П.А. Вяземский — цензор Некрасова, 1949; Гаркави, 1966: 98—101], посвященных этому эпизоду, складывается вполне определенная картина: в отсутствие опытного журналиста Некрасова, находившегося за границей, его стихотворения перепечатал руководивший журналом Чернышевский. Строго говоря, ничего формально нарушающего цензурный устав в этих стихотворениях не было, однако это не остановило развития событий. По всей видимости, толчком к ним послужили жалобы на Некрасова со стороны каких-то остав-

шихся неизвестными высокопоставленных сановников. Цензура, возглавляемая министром народного просвещения А.С. Норовым и товарищем министра народного просвещения П.А. Вяземским, воспринимала поэзию Некрасова как политически опасную и была возмущена и книгой стихотворений, и — еще более — републикацией их во влиятельном толстом журнале. В результате разбирательства И.И. Панаев, в отсутствие Некрасова формально руководивший «Современником», получил выговор от министра, а слывший либералом цензор В.Н. Бекетов, дозволивший печатать и книгу Некрасова, и соответствующий номер, едва не был вынужден уйти в отставку, журнал же был передан более придирчивому И.И. Лажечникову. Таким образом, исследователи создают картину произвола цензуры, жертвами которого становились и журналисты, и поэты, и даже либеральные сотрудники самого цензурного ведомства.

Однако в этой картине не находится места принципиально важным обстоятельствам, без учета которых смысл цензурного скандала 1856 г. понять затруднительно. Наиболее заметное из этих обстоятельств, практически всегда упускаемое исследователями из виду, — это совершенно неожиданная реакция литературного сообщества, резко выступившего именно против редакторов «Современника» — Некрасова и Панаева. Более того, даже сам Некрасов, похоже, был готов признать ответственность редакции «Современника». Неудивительно, что советские исследователи, исходившие из представлений о цензуре только как об агенте репрессивного правительства, не обращались к этому эпизоду: он едва ли укладывался в их представления об истории литературы этого периода. Впрочем, даже: в современных работах о Некрасове или об истории цензуры позиция современников практически не упоминается.

Неожиданным образом большинство литераторов считало виновниками конфликта не цензоров и не их руководство, а редакцию журнала, создавшую условия для конфликта с цензурой. Такая неожиданная позиция, как кажется, очень показательна для истории публичной сферы в России 1850-х годов, когда многие литераторы воспринимали государство не как оппонента, а как потенциального союзника в общественной жизни. В цензорах (по крайней мере, либеральных) эти литераторы были склонны видеть не столько врагов творческой свободы, которым необходимо по возможности противостоять, сколько значимых участников общественной жизни, с которыми требуется налаживать взаимодействие. Надеждам этим не было суждено сбыться, однако лишь очень немногие современники не верили в возможность построить новые отношения с цензорами.

Чтобы правильно понять реакцию русских писателей на конфликт «Современника» с цензурой, необходимо учитывать соци-

альные функции цензуры того времени. Согласно наблюдениям современных исследователей¹, институт цензуры в Европе XIX в. не ограничивался репрессивными действиями. Цензоры не только подавляли творческую свободу писателей, выполняя волю правительства (хотя, разумеется, это тоже неизбежно входило в круг их обязанностей), но и стремились направлять развитие литературы в выгодном властям и влиятельным общественным кругам направлении. Такая «образовательная» роль была, конечно, присуща цензуре и в России — недаром до середины 1860-х годов сотрудники общей цензуры официально были чиновниками Министерства народного просвещения. Большинство литераторов едва ли могло быть довольно таким отношением со стороны правительства, представляемого цензурой, и надеялось на скорое изменение отношений между государством и писательским сообществом.

Периодом наибольших ограничений литературы со стороны властей обычно считается так называемое Мрачное семилетие. Ужесточение цензурной политики и учреждение секретного Комитета 2 апреля 1848 г., призванного следить за упушениями цензуры и ужесточить контроль за печатью [см.: Лемке, 1904: 183–308; Старкова, 2000; Шевченко, 2003: 122–159; История Комитета, 2006], свидетельствовали о том, что литература воспринималась правительством прежде всего как субверсивная, опасная стихия, нуждающаяся в контроле. Примечательно, что и собственно цензуре император в этот период не доверял: тайный Комитет следил и за писателями, и за цензорами.

Однако начало царствования Александра II было отмечено последовательными попытками со стороны либерального крыла властей привлечь представителей общественности к управлению империей в первую очередь к подготовке реформ. Наиболее известным примером может служить попытка проконсультироваться с представителями дворянства в ходе подготовки крестьянской реформы, на которую дворянство ответило, среди прочего, попытками организовать сопротивление преобразованиям [см.: Захарова, 2008: 258–301; Христофоров, 2002: 89–98]. Либеральная правительственная политика была одновременно направлена на политические преобразования и на новый тип отношений с публичной сферой, которая некоторыми бюрократами рассматривалась как если не равноправный, то, по крайней мере, независимый партнер. Литераторов приглашали принять участие в статистических и этнографических исследованиях, помогать

¹ Наиболее радикальную попытку пересмотра сложившихся взглядов см.: [Holquist, 1994]. Более умеренную точку зрения см., напр. в работе [Дарнтон, 2017]. Компаративное исследование собственно европейской цензуры интересующего нас периода см. [The War for the Public Mind, 2000]. Пример исследования неоднозначных отношений цензоров и редакторов в России XIX в. см. [Бодрова, 2010].

дирекции императорских театров оценивать пригодность новых пьес для репертуара, и проч. [см.: Вдовин, 2014; Романова, 2018].

Со своей стороны, литературное сообщество в целом встретило новые предложения правительства с огромным энтузиазмом; большинство литераторов, которым предлагалось участвовать в правительственных проектах, во второй половине 1850-х годов отвечало согласием. Даже Герцен публично поддерживал позицию Александра II, критикуя оппонентов реформ. Примечательно, что в числе этих оппонентов он упоминал попечителя Петербургского учебного округа, то есть одного из руководителей цензурного аппарата: «Правда ли, что подозрительные люди, враждебные правительству, собираются всякую неделю у бывшего петербургского попечителя Мусина-Пушкина с целью порицания всех действий государя в пользу прогресса и развития» [Герцен, 1958: 19; статья «Правда ли?», 1857].

Многие «либеральные бюрократы» считали, что политика в области печати, в том числе цензурная политика, должна соответствовать новой ситуации. Цензор, согласно мнению, по крайней мере, многих руководителей ведомства, должен был быть ближе к литературному миру. Именно этим объясняются увольнение наиболее одиозных сотрудников этого ведомства, таких как Н.В. Елагин, и назначение на цензорские должности известных писателей, в том числе упомянутого выше Лажечникова, а также Гончарова и Тютчева, занявшего пост председателя Комитета цензуры иностранной [см.: Жирков, 2000; Фут, 2008]. Кадровые перемены по цензуре и отмена Комитета 2 апреля 1848 г. воспринимались некоторыми литераторами как значимая составляющая «духа времени» — эпохи реформ. Так, 8 декабря 1855 г. Е.Н. Эдельсон писал жене: «Петербург просто обдал меня благоприятными новостями: уничтожение негласного ценсурного комитета, университет в Сибири, перемена ценсоров — вот новости, которыми меня встретили»².

Отношение самих литераторов к цензуре, конечно, не было всецело одобрительным. Несмотря на симпатию к новому курсу правительства, многие писатели считали службу в цензуре зазорным занятием, по крайней мере, для одного из «своих» [Бодрова, Зубков, 2020]. В особенности последователен здесь был Герцен, на страницах «Колокола» неоднократно обличавший цензоров самых разных рангов, вплоть до Вяземского (см. названную выше статью). Продолжали вызывать всеобщее раздражение цензуры старой формации, склонные к произвольным и резким запретам [Фут, 2008].

Однако в целом писатели сохраняли определенную надежду на нормализацию отношений с цензурным ведомством. Это ожидание

² ОР РНБ. Ф. 1123. № 67. Л. 42.

было логично, если учесть убежденность в том, что государство настроено по отношению к ним доброжелательно. Очень высокой степенью поддержки пользовались в литературных кругах демонстративно «либеральные» цензоры. Так, Н.Ф. фон Крузе, вынужденный уйти в отставку именно из-за мягких решений, пользовался поддержкой широкого круга литераторов самых разных направлений [Репинецкий, 2011].

На этом фоне цензурный скандал 1856 г. мог восприниматься — и, как мы покажем в следующей статье, воспринимался — не как репрессивный акт, а как ненужная и вредная провокация со стороны «Современника», отвергнувшего предложения власти пойти на контакт. Литературное сообщество было в большинстве своем убеждено, что конфликт инициировали именно сотрудники журнала, а не цензоры, хотя и не могло прийти к единому мнению относительно персональной ответственности редакторов и причин, вызвавших столкновение. Более того, в целом не далек был от такого понимания и сам Некрасов, который, впрочем, не был склонен считать себя виноватым.

Список литературы

1. *Бельчиков Н.Ф.* Н.А. Некрасов и цензура // Красный архив. 1922. Т. I. С. 355–360.
2. *Бодрова А.С.* О журнальных замыслах, чуткой цензуре и повседневном быте московских цензоров: из истории раннего «Москвитянина» // Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2010. С. 350–371.
3. *Бодрова А.С., Зубков К.Ю.* Дух и детали: Практики цензурного чтения и общественный статус цензора в предреформенную эпоху (случай И.А. Гончарова) // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2020. Т. 65. № 1. С. 123–141.
4. *Вдовин А.В.* Русская этнография 1850-х годов и этос цивилизаторской миссии: случай «литературной экспедиции» Морского министерства // Ab Imperio. 2014. № 1. С. 91–126.
5. П.А. Вяземский — цензор Некрасова / Публ. В.С. Нечаевой // Литературное наследство. Т. 53–54. Н.А. Некрасов. <Кн.> III. М., 1949. С. 213–218.
6. *Гаркави А.М.* Н.А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1966. (Ученые записки Калининградского государственного педагогического института. Вып. XIII.)
7. *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. XIII. М., 1958.
8. *Дарнтон Р.* Цензоры за работой: как государство формирует литературу. М., 2017.
9. *Евгеньев-Максимов Е.В.* В цензурных тисках (Из истории цензурных гонений на поэзию Некрасова) // Книга и Революция. 1921. № 2 (14). С. 36–46.

10. *Евгеньев-Максимов Е.В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936.
11. *Жирков Г.В.* «Но мыслью обнял все, что на пути заметил...» // У мысли стоя на часах...: Цензоры России и цензура. СПб., 2000. С. 100–158.
12. *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 // Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 39–352.
13. История Комитета 2 апреля 1848 года в документах // Цензура в России: История и современность. Сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 224–246.
14. *Лемке М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
15. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 2. Л., 1981.
16. *Репинецкий С.А.* Московский цензурный комитет и политика в отношении печати накануне отмены крепостного права // Российская история. 2011. № 2. С. 109–116.
17. *Романова А.В.* И.А. Гончаров в Комитете, учрежденном для рассмотрения пьес к столетнему юбилею русского театра, и в Театрально-литературном комитете // Русская литература. 2018. № 2. С. 171–193.
18. *Старкова Л.К.* «Цензурный террор» 1848–1855 гг. Саратов, 2000.
19. *Фут И.П.* Увольнение цензора. Дело Н.В. Елагина, 1857 г. // Цензура в России: История и современность. Вып. 4. СПб., 2008. С. 150–171.
20. *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002.
21. *Шевченко М.М.* Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
22. *The War for the Public Mind: Political Censorship in Nineteenth-Century Europe* / ed. R.L. Goldstein. Westport; L., 2000.
23. *Holquist M.* Introduction: Corrupt Originals: The Paradox of Censorship // PMLA. 1994. Vol. 109. № 1. P. 14–25.

K. Zubkov

**“... TIME FOR HIDDEN MOCKERY IS OVER”:
EDITORIAL BOARD OF *THE CONTEMPORARY*,
CENSORSHIP AND RUSSIAN LITERARY COMMUNITY IN 1856**

*Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000*

The article analyses the community of Russian professional writers of the late 1850s and its reaction to the actions of the office of censorship. The examination of the position of authors on the censorship not only draws attention to the data that the scholars have not yet considered but allows to revise the traditional conceptions

of relations between the government and literature in mid XIXth century Russia. The article is mostly based on the private letters of the writers (mostly connected to St. Petersburg), which reflects their attitudes towards the scandal of 1856 when the publication of the “Poems” by Nikolay Nekrasov and the reprinting of several of his works in *The Contemporary* resulted in a turmoil in the agency of censorship. While the official documents related to the case have been extensively published and interpreted by the scholars, the opinion of most writers of the age has evaded serious consideration. Departing from the methods currently employed in the modern scholarship of the censorship (most notably by Robert Darnton) I attempt to show that the writers of 1850s usually saw the censor not as an opponent, but as a potential ally and sympathiser. The liability for breaking the peculiar hidden convention between writers and censors was usually imposed on the editors of *The Contemporary*, not the censor.

Key words: N.A. Nekrasov; N.G. Chernyshevsky; censorship; history of literature; literary journals; the Contemporary.

About the author: Kirill Zubkov — PhD, Associate Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); Research Fellow, Institute of Russian Language and Literature, Russian Academy of Sciences (Pushkin House) (e-mail: k_zubkov@inbox.ru).

References

1. Bel'chikov N.F. N.A. Nekrasov i cenzura [N.A. Nekrasov and the Censor]. *Krasnyj arhiv*, 1922, vol. I, pp. 355–360 (In Russ.)
2. Bodrova A.S. O zhurnal'nyh zamyslah, chutkoj cenzure i povsednevnom byte moskovskih cenzorov: iz istorii rannego “Moskvitjanina” [On the Plans of Journalists, Sensitive Censorship and Everyday Life of Moscow Censors: from the History of the Early Moscovite]. *Permjakovskij sbornik. Part. 2.* Moscow, OGI Publ., 2010, pp. 350–371.
3. Bodrova A.S., Zubkov K. Ju. Duh i detali: Praktiki cenzurnogo chtenija i obshhestvennyj status cenzora v predreformennuju jepohu (sluchaj I.A. Goncharova) [Spirit and Details: Practices of Censorial Reading and the Social Status of Censor during the Pre-Reform Era (The Case of I.A. Goncharov)]. *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*, 2020, Vol. 65, № 1, pp. 123–141. (In Russ.)
4. Vdovin A.V. Russkaja jetnografija 1850-h godov i jetos civilizatorskoj missii: sluchaj “literaturnoj jekspedicii” Morskogo ministerstva [Nationalizing Science in Mid-Nineteenth Century Russia: Ideological Origins of the Naval Ministry's “Literary Expedition”]. *Ab Imperio*, 2014, № 1, pp. 91–126 (In Russ.) doi: 10.1080/00806765.2015.1042761
5. P.A. Vjazemskij — cenzor Nekrasova / publ. V.S. Nechaevoj [Nechaeva V.S. (ed.) P.A. Viazemsky — Censor of Nekrasov]. *Literaturnoe nasledstvo*, Vol. 53–54. N.A. Nekrasov. <Part> III. Moscow, Nauka Publ., 1949, pp. 213–218.
6. Garkavi A.M. *N.A. Nekrasov v bor'be s carskoj cenzuroj* [N.A. Nekrasov Struggles with Tsarist Censorship]. Kaliningrad, Kaliningradskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 303 p.

7. Gercen A.I. *Sobr. soch.: V 30 t. T. XIII* [Collected Works: 30 Vols. Vol. XIII]. Moscow, Nauka, 1958. 676 p.
8. Darnton R. *Cenzory za rabotoj: kak gosudarstvo formiruet literaturu* [Censors at Work: How States Shaped Literature]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2017. 382 p.
9. Evgen'ev-Maksimov V.E. V cenzurnyh tiskah (Iz istorii cenzurnyh gononij na poeziju Nekrasova) [In the Vise of Censorship (Towards History of Censorial Oppression of the Poetry of Nekrasov)]. *Kniga i Revoljucija*, 1921, № 2 (14), pp. 36–46.
10. Evgen'ev-Maksimov V.E. “*Sovremennik*” pri Chernyshevskom i Dobroljubove [The Contemporary in the Age of Chernyshevsky and Dobroliubov]. Leningrad, *GIHL Publ.*, 1936. 622 p.
11. Zhirkov G.V. “No mysl'ju obnjaj vse, chto na puti zametil...” [“But with His Thought He Could Embrace Anything that he Saw on His Way”]. Zhirkov G.V. (ed.) *U mysli stoja na chasah...: Cenzory Rossii i cenzura*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, 2000, pp. 100–158.
12. Zaharova L.G. Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861 [Autocracy and the Abolishment of Serfdom in Russia. 1856–1861]. Zaharova L.G. *Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 39–352.
13. Grinchenko N.A. (ed.) Istorija Komiteta 2 aprelja 1848 goda v dokumentah [The History of the Committee of April 2 1848 Reflected in Documents]. *Cenzura v Rossii: Istorija i sovremennost'. Vol. 3*. Saint Petersburg, *Rossijskaya natsional'naya biblioteka, Sankt-Peterburgskij filial Instituta istorii i yestestvoznaniya i tekhniki RAN Publ.*, 2006, pp. 224–246.
14. Lemke M.K. *Ocherki po istorii russkoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletija* [Essays on the History of Russian Censorship and Journalism of XIX Century]. Saint Petersburg, *Trud Publ.* 1904. 427 p.
15. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 15 t. T. 2* [Complete Works and Letters: 15 Vols. Vol. 2]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1981. 447 p.
16. Repineckij S.A. Moskovskij cenzurnyj komitet i politika v otnoshenii pečati nakanune otmeny krepostnogo prava [Moscow Censorship Committee and Political Position on Publishing on the Eve of Abolishment of Serfdom]. *Rossijskaja istorija*, 2011, № 2, pp. 109–116.
17. Romanova A.V. I.A. Goncharov v Komitete, uchrezhdennom dlja rassmotrenija p'es k stoletnemu jubileju russkogo teatra, i v Teatral'no-literaturnom komitete [I.A. Goncharov in the Committee Established to Revise the Plays Submitted for the 100th Anniversary of Russian Theater]. *Russkaja literatura*, 2018, № 2, pp. 171–193.
18. Starkova L.K. “*Cenzurnyj terror*” 1848–1855 gg. [“Censorial Terror” in 1845–1855] Saratov, Samarskij Pedagogičeskij Institut Publ., 2000. 27 p.
19. Foote I.P. Uvol'nenie cenzora. Delo N.V. Elagina, 1857 g. [Dismissal of a Censor. The Case of N.V. Elagin, 1857]. *Cenzura v Rossii: Istorija i sovremennost'. Vol. 4*. Saint Petersburg, *Rossijskaya natsional'naya biblioteka, Sankt-Peterburgskij filial Instituta istorii i yestestvoznaniya i tekhniki RAN Publ.*, 2008, pp. 150–171.

20. Hristoforov I.A. “*Aristokratičeskaja*” *oppozicija Velikim reformam (konec 1850 – seredina 1870-h gg.)* [“Aristocratic” Opposition to the Great Reforms (Late 1850 – Mid 1870ies)]. Moscow, *Russkoe slovo-RS Publ.*, 2002. 429 p.
21. Shevchenko M.M. *Konec odnogo velichija: vlast’, obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoj Rossii na poroge Osvoboditel’nyh reform* [The End of a Majesty: Government, Education and Printed Word in Imperial Russia on the Eve of the Liberational Reforms]. Moscow, *Tri Kvadrata Publ.*, 2003. 268 p.
22. Goldstein R.L. (ed.) *The War for the Public Mind: Political Censorship in Nineteenth-Century Europe*. Westport; London, *Greenwood Publishing Group*, 2000. 280 p.
23. *Holquist M.* Introduction: Corrupt Originals: The Paradox of Censorship. *PMLA*. 1994, Vol. 109, № 1, pp. 14–25.

К.Ю. Зубков

**«... ВРЕМЯ КУКИШЕЙ В КАРМАНЕ МИНОВАЛОСЬ...»:
РЕДАКЦИЯ «СОВРЕМЕННОГО»,
ЦЕНзуРА И РОССИЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
СООБЩЕСТВО В 1856 г. СТАТЬЯ 2¹**

*Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Статья посвящена анализу сообщества российских профессиональных литераторов второй половины 1850-х годов и его реакции на деятельность цензурного ведомства. Изучение этих вопросов не только привлекает внимание к ранее не интересовавшим исследователей источникам, но и позволяет пересмотреть традиционные представления об отношениях цензуры и литературы в России середины XIX в., демонстрируя огромное влияние государственного аппарата на формирование литературного сообщества и его системы категорий и оценок. Материалом послужила переписка, в которой отразилась реакция писателей (преимущественно петербургских) на эпизод 1856 г., когда публикация «Стихотворений» Н.А. Некрасова и перепечатка некоторых его произведений на страницах «Современника» вызвала грандиозный скандал в цензурном ведомстве. Если собственно цензурные документы, относящиеся к этому делу, неоднократно публиковались и интерпретировались учеными, то мнение на этот счет самих литераторов до сих пор не становилось объектом пристального внимания. Ответственность за нарушение своеобразного негласного договора, существовавшего между писателями и цензорами, возлагалась именно на редакцию «Современника», а вовсе не на цензуру. Вторая часть статьи посвящена дискуссии между писателями о том, кого именно из членов редакции следует считать ответственным за конфликт. Исключением на этом фоне оказывается перепечатавший стихотворения Некрасова Н.Г. Чернышевский, предполагавший, что взаимовыгодное сотрудничество с органами цензуры в принципе невозможно. Дальнейшая история взаимоотношений между цензурными инстанциями и литераторами подтверждает, что именно прогноз Чернышевского оказался наиболее близок к истине.

Зубков Кирилл Юрьевич — кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинского дома) (e-mail: k_zubkov@inbox.ru).

¹См.: Зубков К.Ю. «... Время кукишей в кармане миновалось...»: редакция «Современника», цензура и российское литературное сообщество в 1856 г. Статья 1 // Вестн. Моск. ун-та. 2021. № 4. С. 133–142.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов; Н.Г. Чернышевский; цензура; история литературы; литературные журналы; журнал «Современник».

Основным источником для нашего исследования послужила переписка писателей этого периода, которая значима не только потому, что в ней выражается позиция литературного сообщества, — именно в письмах это сообщество, лишенное возможности публично высказываться по некоторым значимым вопросам, осознавало себя и формулировало свои ценности и коллективную позицию. Серьезному обсуждению в печати всех значимых вопросов препятствовала по меньшей мере та же цензура. Соответственно мнению литературного сообщества вырабатывалось и обсуждалось не только на страницах периодики, но и в кулуарах литературного мира: во время встреч журнальных редакций, «литературных обедов» [Вдовин, 2013] и проч. Однако о подобного рода обсуждениях у нас сохранились лишь косвенные сведения, в отличие от хорошо сохранившихся эпистолярных источников.

31 марта — 1 апреля 1857 г. Некрасов в письме Л.Н. Толстому сообщал о всеобщем недовольстве собственной ролью в столкновении с цензурой: «Если мне удастся справиться, т.е. совладеть с собою, — я еще постою за “Современник”. — Делать я покуда ничего не делаю, кстати скажу, что я был серьезно обижен тем несомненным фактом, что все мои литературные друзья в деле о моей книге приняли сторону сильного, обвиняя меня в мальчишестве» [Некрасов, 1999: 67]. Комментаторы академического издания Некрасова сочли, что речь в письме идет именно о перепечатке стихотворений в «Современнике» [Некрасов, 1999: 216]. М.С. Макеев оспорил это утверждение, опираясь на два аргумента: во-первых, Некрасов явно писал не о перепечатке, а о самой книге, а во-вторых, его нельзя было назвать ответственным за перепечатку и обвинить в «мальчишестве», поскольку решение о ней принимал Чернышевский [Макеев, 2008: 121–122]. В письме речь действительно шла о совершенно конкретных высказываниях некрасовских знакомых по поводу его книги и ее перепечатки. Выход книги Некрасова и переиздание его стихотворений в «Современнике» воспринимались в цензурном ведомстве как два этапа одного дела (см., например, отношение А.С. Норова, отправленное в цензурный комитет [Лемке, 1904: 312–313])². Многие писатели этого времени, похоже, полагали так же и совершенно буквально обвиняли Некрасова в «мальчишестве», возлагая на него ответственность и за публикацию «Стихотворений», и за перепечатку в журнале.

² См. также протокол заседания Петербургского цензурного комитета, где обсуждалось мнение министра: РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 47. Л. 267 об.

Публикация в «Современнике» стала одной из основных тем писательской переписки в ноябре 1856 г. Уже 18 ноября 1856 г., т.е. еще до заседания Петербургского цензурного комитета, на котором разбирались упущения Бекетова, писатель и цензор Гончаров сообщал А.В. Дружинину: «У нас, Вы слышали, перемены: “Совр<еменник>” отошел от Бекетова к Лажечн<икову>, я взял “Отеч<ественные> Зап<иски>” <...> Вот они, что наделали, вопли прошедшего, теперь едва ли нужные и полезные кому-нибудь. Помните, я предсказывал это <...> предсказывал это и Николаю Алек<сеевичу>, но он слушать не хотел. А между тем, это будет мешать и Тургеневу, и другим. Как это назвать? Неосторожностью — мало; эгоизмом — много...» [Письма к Дружинину, 1948: 77].

Ответственным Гончаров, видимо, считал Некрасова, упорно повторявшего «вопли прошедшего», т.е. воспроизводившего оппозиционную позицию, характерную для более раннего периода. В тот же день сам Дружинин отправил письмо находившемуся за границей Тургеневу, где высказал и свою позицию, и точку зрения В.П. Боткина: «Мне горестно заключить мое письмо худой новостью — в “Совр<еменнике>” была большая неприятность за перепечатку “Поэта и Гражданина”. Бекетова устранили от журнала и Панаева жестоко выругали, грозя журналу запрещением. И Васинька и мы все, сильно озлоблены за мальчишескую неосторожность, с которой “Совр<еменник>” велся, и мы предвидели неприятность. Так журнала вести нельзя, время кукишей в кармане миновалось. Весь “Поэт и Гражданин”, за исключением одного отрывка, не стоит трех копеек серебром, а вреда литературе он сделал на сто рублей. Теперь и Ваши “Записки охотника” вряд ли пройдут» [Тургенев и круг «Современника», 1930: 197].

Дружинин вовсе не был поклонником цензуры, однако в целом явно поддерживал позицию Гончарова, считая републикацию произведений Некрасова несвоевременной и просто вредной в условиях либерализации правительственной политики, которая создавала условия для смягчения отношений с цензурой. Именно этот отзыв, возможно, и имел в виду Некрасов, когда говорил об упреках в «мальчишестве». Схожую позицию занимал и А.Ф. Писемский, 24 ноября сообщавший Б.Н. Алмазову: «... Некрасов по свойственной ему филантропии тоже не побережет и ухлопает каким-нибудь риторическим, но вольнодумным стихотворением, Панаева (эту ни в чем не повинную жопу “Современника”) призывали и пудрили. — Весь этот скандал чрезвычайно неприятен всем нам, остальным литераторам, тем, что цензура опять выпустит свои когти, на что цензора имеют полное нравственное право, если мы, литераторы, станем так поступать с ними и для придания полукуплетным стихам своим

значения станем печатать в оглавлении Рылеевские думы, которые и сами-то по себе имеют некоторой смысл потому только, что этот человек был удушен» [Писемский, 1936: 103].

Письмо схожего содержания Писемский отправил Тургеневу 27 ноября: «В “Современнике” вышел цензурный скандал, которого, впрочем, и ожидать следовало, Панаева, эту ни в чем невинную жопу редакции, призывали и пудрили» [Письма Писемского, 1964: 148]. Писемский явно считал лично ответственным именно Некрасова (хотя тот и отсутствовал в Петербурге во время развернувшихся событий). Наконец, 2 декабря Е.Я. Колбасин писал Тургеневу о схожей реакции В.П. Боткина (о ней упоминал и Дружинин), который также был возмущен самим Некрасовым: «и чего еще нужно этому Некрасову? разве ему мало — имеет квартиру, экипаж, задает обеды, — и чего еще ему нужно? разве ему этого мало?» [Тургенев и круг «Современника», 1930: 299]. Колбасин, впрочем, в этой ситуации был возмущен именно Боткиным — показательная позиция для человека, занимавшегося литературой, скорее, как любитель и не вникавшего в детали отношений между писателями и цензорами. 26 ноября Тургеневу написал уже П.В. Анненков — и остался одним из немногих участников обсуждения, нейтральных по отношению к редакции журнала: «... к нему <“Современнику”> приставили И.И. Лажечникова вместо Бекетова и велели следовать полицейскому распоряжению, вследствие коего можно и тройкой ездить по улицам, но подвязав колокольчик, беспокоящий всех прохожих, без исключения» [Анненков, 2005: 50].

Вероятно, именно сдержанность в суждениях, присущая Анненкову, побудила Некрасова обратиться к нему 6 (18) декабря из Рима: «Вы — и никто более — пришли мне на память, когда я подумал: кто мне может объяснить в точном виде меру неприятностей, вызванных моим стихотворением “Поэт и гражданин”? Согласитесь, что мне это нужно знать — в отношении к “Современнику” (в котором я — по убеждению своему и Тургенева — не нашел удобным поместить это стихотворение, как и некоторые другие, явившиеся в книге» [Некрасов, 1999: 43].

Очевидно, сам Некрасов плохо понимал произошедшее, однако не сомневался, что отвечал за «историю» с перепечаткой не Чернышевский и даже не цензор, а его соредактор Панаев³. Именно об этом

³ Между прочим, 6 декабря датировано и письмо И.С. Аксакова к родным, в котором он обвиняет Панаева в чрезмерно резкой критике славянофилов и выражает надежду, что, вернувшись в Россию, Некрасов и Тургенев «выдерут Панаева за уши и поставят “Современник” в прежние отношения к “Беседе” да и к Вам» [Аксаков, 1994: 469]. Очевидно, распределение обязанностей между Панаевым и Чернышевским в отсутствие Некрасова было в точности неизвестно не только Аксакову, но даже самому Некрасову.

он писал Тургеневу в тот же день, как отправил письмо Анненкову, то есть даже не разобравшись еще в обстоятельствах дела: «Панаев неисправим, я это знал. Гроза могла миновать “Современник”, будь хоть ты там. Такие люди, как он, и трусят и храбрятся — все некстати. Я не меньше люблю “Современник” и себя или мою известность, — недаром же я не решился поместить “Поэта и гражд (анина)” в “Современнике”? Так нет! надо было похрабриться. Впрочем, Панаева винить смешно: не гнилой мост виноват, когда мы проваливаемся!» [Некрасов, 1999: 41].

С точки зрения Некрасова, републикация его стихотворений в журнале была вовсе не злонамеренной провокацией, а непродуманной оплошностью Панаева, к которому серьезных претензий предъявлять было невозможно. Схожего мнения придерживался и сам Тургенев. Например, в письме Л.Н. Толстому от 8 (20) декабря 1856 г. он так же, как и Некрасов, называл ответственным за произошедшее Панаева: «... что “Современник” в плохих руках — это несомненно, — Панаев начал было писать мне часто, уверял, что не будет действовать “легкомысленно” — и подчеркивал это слово; а теперь присмирел и молчит, как дитя, которое, сидя за столом, наклало в штаны. Я обо всем написал подробно Некрасову в Рим...» [Тургенев, 1987: 161; ср. подборку схожих высказываний Тургенева из писем к другим лицам: Евгеньев-Максимов, 1936: 106–107].

Тургенев и Некрасов воспринимали перепечатку стихотворений в «Современнике» в качестве не сознательной политической акции, а своего рода детской шалости Панаева.

Таким образом, скандал в особенности заинтересовал петербургское литературное сообщество, которое практически единодушно возложило ответственность на сотрудников «Современника». Никто прямо не обвинял в произошедшем цензуру; не упоминался в переписке и Чернышевский. Впрочем, среди литераторов высказывались два различных мнения: Некрасов и Тургенев, в этот период относившиеся к сотрудникам «Современника», осознавали, что имеют дело не с принципиальной позицией журнала, а с неудачной публикацией, не соответствовавшей установке редакции. Напротив, Гончаров, Дружинин, Боткин и Писемский считали ответственным за случившееся лично Некрасова, а выступление журнала воспринимали как «кукиш в кармане», показанный властям редакцией, не готовой приспособиться к новому времени. Так или иначе, в литературных кругах большинство считало ответственными за произошедшее вовсе не цензоров.

Объяснить такую неожиданную (и неслучайно пропущенную историками литературы) позицию возможно, как кажется, специфическими отношениями литераторов и цензоров 1850-х годов.

Писательское и журналистское сообщество в это время пыталось прощупать возможные пути контакта с цензорами; схожие действия в их отношении предпринимали и либеральные чиновники. В этих условиях обе стороны должны были, разумеется, соблюдать принципиальную осторожность. Публикация и републикация стихотворений Некрасова на этом фоне воспринимались обеими сторонами как резкое нарушение сложившихся конвенций. Именно поэтому реакция на происшествие цензора Гончарова очень близка к реакции Некрасова — редактора самого оппозиционного журнала в России того времени: оба они считали, что действия «Современника» подрывают возможность контакта между литературой и властью. Принципиальное смягчение цензурных условий воспринималось либерально настроенными современниками как предвестие принципиально новой эпохи, когда литература и правительство начнут продуктивно взаимодействовать. В этих условиях цензор и литератор, как казалось многим современникам, смогут действительно оказаться по сути единомышленниками и союзниками.

Исключением из этого правила оказался главный виновник конфликта — Чернышевский. 5 декабря 1856 г. он сообщал Некрасову: «Прежде всего я должен сказать Вам, что различные толки и т.п. по поводу Ваших стихотворений далеко не имеют той важности, какую готовы им приписывать иные люди. Месяца два-три, и все успокоится. Вообще, дело не так ужасно, как думают легковверные, хотя и не вовсе приятно» [Чернышевский, 1949: 329].

Судя по этому письму, точка зрения Чернышевского принципиально отличалась от позиции большинства современников. Очевидно, в конфликте его интересовали лишь прагматические последствия — возможные ограничения на публикацию произведений Некрасова или каких-либо других журнальных материалов. Никаких более значимых результатов своих действий Чернышевский не замечал или не считал нужным замечать. Едва ли речь здесь может идти о простом самооправдании или исключительно о желании успокоить адресата: Некрасов на тот момент даже не знал об ответственности Чернышевского за случившееся.

В отличие от большинства литераторов того времени, уже в середине 1850-х годов Чернышевский, по всей видимости, не верил в возможность взаимопонимания с правительством, тем более с цензурным ведомством. Именно поэтому он и не пытался судить о произошедшем с точки зрения долговременных последствий: если цензору суждено всегда оставаться оппонентом, нечего было огорчаться по поводу испорченных с ним отношений. В связи с этим очень последовательно выглядит его значительно более поздний комментарий: «Беда, которую я навлек на “Современник” этою

перепечаткою, была очень тяжела и продолжительна. Цензура очень долго оставалась в необходимости давить “Современник” — года три, это наименьшее; а вернее будет думать, что вся дальнейшая судьба “Современника” шла под возбужденным моею перепечаткою впечатлением необходимости цензурного давления на него <...> О том, какой вред нанес я этим безрассудством лично Некрасову, нечего и толковать: известно, что целые четыре года цензура оставалась лишена возможности дозволить второе издание его “Стихотворений”» [Чернышевский, 1939: 752–753].

Переоценивая свою вину, Чернышевский пишет вовсе не о значимости конфликта с точки зрения взаимоотношений цензуры и общества, а исключительно о подозрительном отношении цензоров к «Современнику» и к поэзии Некрасова. Иными словами, цензура его беспокоит именно как сугубо негативная сила, которая может только угнетать в большей или меньшей степени, — никаких качественных различий в позиции цензоров Чернышевский не видел. Соответственно никаких надежд на положительное взаимодействие с ними заместитель Некрасова не питал и питать не мог.

Как показали дальнейшие события, в последнем Чернышевский оказался прав: уже к середине 1860-х годов надежды на перестройку отношений с цензурой на новых основаниях в целом покинули русских писателей. Ценности и представления об обществе, которым руководствовалось литературное сообщество в 1856 г., были глубоко забыты. Отношения писателей и власти в целом, разумеется, могли быть самыми разными, однако в большинстве случаев собственно цензурные репрессии не вызывали ничьей поддержки. 23 июня 1866 г. А.В. Никитенко записал в дневнике: «Я не помню давно, чтоб правительственная мера производила такое единодушное и всеобщее негодование, как пресловутый известный рескрипт о запрещении двух журналов: “Современника” и “Русского слова” — последнее, впрочем, потому, что сделано помимо закона» [Никитенко, 1956: 40]. Трудно представить себе в 1866 г. единодушную и притом в целом терпимую реакцию на цензурные репрессии, объединявшую и редактора подвергшегося цензурным репрессиям издания, и его конкурентов.

Быстрые изменения в отношениях между цензурой и правительством, с одной стороны, и литературой, и печатью — с другой, породили своеобразную двойственность, отразившуюся в стихотворении Некрасова, приведенном в начале первой из этих статей. С одной стороны, эти изменения свидетельствовали о развитии и автономизации публичной сферы в России 1860-х годов. В это время столичным литераторам уже не приходило в голову, что печать

тесно связана с государством и по сути делает одно дело с цензурой. С другой стороны, цензура и литература оставались неотделимы друг от друга: писатели продолжали учитывать позицию цензоров в своем творчестве (и были лишены возможности поступить иначе), тогда как цензоры были обязаны входить в вопросы их творчества и принимать решения, исходя не только из формальных критериев, но и из представлений об эстетической, политической и социальной значимости рассматриваемых произведений. Представителями литературного сообщества такой подход не мог не рассматриваться как вторжение государственных чиновников не в свое дело — и квалификация того или иного цензора (подчас весьма высокая) в этом деле не играла никакой роли. Цензор из стихотворения Некрасова, отнимающий у поэта и присваивающий себе право решать, что связано с темой погоды, а что нет, — яркий пример именно такого восприятия цензора. Однако за десять лет до того литераторы воспринимали и фигуру цензора, и перспективу взаимоотношений писателя с государством сквозь призму других категорий. Учитывать настроения этого периода исследователям необходимо хотя бы для того, чтобы понимать, насколько значимы для писателей окажутся утрата иллюзий и разочарование в возможности найти общий язык с представителями государственной власти — пусть даже занимающимися столь неприятной деятельностью, как цензура.

Список литературы

1. *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856 / Изд. подг. Т.Ф. Пирожкова. М., 1994.
2. *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852–1874. СПб., 2005.
3. *Вдовин А.В.* Что произошло на «обеде» памяти Белинского в 1858 году? К истории одной легенды. 2013 // Статьи на случай: Сборник в честь 50-летия Р.Г. Лейбова. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Vdovin.pdf (дата обращения: 02.03.2020).
4. *Евгеньев-Максимов Е.В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936.
5. *Лемке М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
6. *Макеев М.С.* Николай Некрасов: поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008.
7. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 14. Кн. 2. СПб., 1999.
8. *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. III. 1866–1877. М., 1956.
9. *Писемский А.Ф.* Письма. М.; Л., 1936.
10. Письма А.Ф. Писемского (1855–1879) // Литературное наследство. Т. 73. Из парижского архива И.С. Тургенева. Кн. 2: Из неизданной переписки. М., 1964. С. 124–195.

11. Письма к А.В. Дружинину (1850–1863). М., 1948.
12. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. Письма, 1855–1858. М., 1987.
13. Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847–1861. М., 1930.
14. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. I. М., 1939.
15. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. XIV. М., 1949.

Kirill Zubkov

**“... TIME FOR HIDDEN MOCKERY IS OVER”:
SOVREMENNİK’S EDITORIAL BOARD, CENSORSHIP,
AND THE RUSSIAN LITERARY COMMUNITY IN 1856**

*Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000*

The article focuses on the community of Russian professional writers in the late 1850s and its response to the actions of the censorship office. The examination of the authors’ positions on censorship reveals the major impact of the state on the formation of the literary community and its system of values. The article is largely based on writers’ private letters (mostly to do with St. Petersburg), reflecting their attitudes toward the scandal of 1856 when the publication of Nikolay Nekrasov’s Poems and reprinting of several of his works in *Sovremennik* resulted in a turmoil in the censorship agency. The liability for breaking the peculiar hidden convention between writers and censors was usually imposed on the editors of *Sovremennik*, not on the censor. The second part of the article discusses who exactly was to blame for the publication of Nekrasov’s Poems. Nikolay Chernyshevsky, who was the person responsible for the republication on Nekrasov’s poems, remained an exception as he presumed that mutually productive cooperation with the censor was impossible. The later history of the relationship between censorship agencies and the literary community reveals that Chernyshevsky was indeed closer to truth than his contem poraries.

Key words: N.A. Nekrasov; N.G. Chernyshevsky; censorship; history of literature; literary journals; the Contemporary.

About the author: *Kirill Zubkov* — PhD, Associate Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); Researcher Fellow, Institute of Russian Literature and Literature, Russian Academy of Sciences (Pushkin House) (e-mail: k_zubkov@inbox.ru).

References

1. Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym. 1849–1856* [Letters to Relatives. 1849–1856]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1994, 654 p.

2. Annenkov P.V. *Pis'ma k I.S. Turgenevu. Kn. 1. 1852–1874* [Letters to I.S. Turgenev. Vol. 1. 1852–1874]. St. Petersburg, *Nauka Publ.*, 2005, 532 p.
3. Vdovin A.V. *Čto proizoshlo na “obede” pamjati Belinskogo v 1858 godu? K istorii odnoj legendy* [What Happened during the “Dinner” Dedicated to the Memory of Belinsky in 1858? On the History of a Legend] 2013. Stat'i na sluchaj: Sbornik v chest' 50-letija R.G. Lejbova URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Vdovin.pdf (accessed: 02.03.2020).
4. Evgen'ev-Maksimov V.E. “*Sovremennik*” pri Chernyshevskom i Dobroliubove [*The Contemporary* in the Age of Chernyshevsky and Dobroliubov]. Leningrad, *GIHL Publ.*, 1936, 622 p.
5. Lemke M.K. *Očerki po istorii russskoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletija* [Essays on the History of Russian Censorship and Journalism of XIX Century]. Saint Petersburg, *Trud Publ.*, 1904, 427 p.
6. Makeev M.S. *Nikolaj Nekrasov: pojet i predprinimatel' (očerki o vzaimodejstvii literatury i jekonomiki)* [Nikolaj Nekrasov: Poet and Businessman (Essays on Interaction of Literature and Economics)]. Moscow, *Maks Press*, 2009, 234 p.
7. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 15 t. T. 14. Kn. 2* [Complete Works and Letters: 15 Vols. Vol. 14, Part 2]. Saint Petersburg, *Nauka*, 1999, 353 p.
8. Nikitenko A.V. *Dnevnik: V 3 t. T. III. 1866–1877 [Dairy. 3 Vols. Vol. III. 1866–1877]*. M., 1956, 582 p.
9. Pisemskij A.F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow; Leningrad, *AN SSSR Publ.*, 1936, 925 p.
10. Pis'ma A.F. Pisemskogo (1855–1879) [Letters of A.F. Pisemsky (1855–1879)]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 73. Iz parizhskogo arhiva I.S. Turgeneva. Kn. 2: Iz neizdannoju perepiski*. Moscow, *Nauka Publ.*, 1964, pp. 124–195.
11. Pis'ma k A.V. Druzhininu (1850–1863) [Letters to A.V. Druzhinin (1850–1863)]. Moscow, *Krasnyj proletarij Publ.*, 1948, 423 p.
12. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis'ma. V 18 t. 2-e izd., ispr. i dop. T. 3. Pis'ma, 1855–1858* [Complete Works and Letters. 30 Vols. Letters. 18 Vols. 2nd Edition, Corrected and Supplemented. Vol. 3. Letters, 1855–1858]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1987, 701 p.
13. Turgenev i krug “Sovremennika”. Neizdannye materialy. 1847–1861 [Turgenev and the Circle of *The Contemporary*. Unpublished Materials. 1847–1861]. Moscow, *Academia Publ.*, 1930. XLVII, 491 p.
14. Chernyshevskij N.G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 15 t. T. I* [Complete Works. 15 Vols. Vol. I]. Moscow, *Goslitizdat Publ.*, 1939, 860 p.
15. Chernyshevskij N.G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 15 t. T. XIV* [Complete Works. 15 Vols. Vol. XIV]. Moscow, *Goslitizdat Publ.*, 1949, 900 p.